
УДК 355.081(470) + 355.082(470) + 929.7 Николай Петрухинцев

**«ФИНАНСЫ ВОЙНЫ» И ОФИЦЕРСКИЙ КОРПУС
ПОЛКОВ «НОВОГО СТРОЯ» В ВОЕННОЙ РЕФОРМЕ
АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА (1663)**

**‘WAR FINANCE’ AND THE OFFICER CORPS
OF THE ‘NEW ORDER’ REGIMENTS IN TSAR
ALEKSEY MIKHAILOVICH’S WAR REFORM (1663)**

The article explores the problems underlying the formation of the Officer Corps in 17th-century Russia and how the process was influenced by the financial situation of the time, war reforms, and the Russo-Polish War of 1654–1667. The author focuses on the influence that the military and currency reforms of 1654 as well as the counter-monetary reform of 1663 had on the state and prospects for the development of the Europeanized Officer Corps of the ‘new order’ regiments. Additionally, the article studies the appearance of a record of military forces in 1663, an important source on the history of the 17th-century Russian army. Officers’ careers are analyzed by referring to Patrick Gordon’s biography at its initial stage. The author concludes that financial problems, affecting the officers’ salaries, contributed to creating a low social status for new-order officers in the eyes of the Russian elite for a long time (until the early 18th century), which, in turn, impeded the development of the National Officer Corps. It was only Peter the Great who managed to solve the problem.

Key words: history of the Russian army; Alexei Mikhailovich’s reforms; history of the Officer Corps; Russian-Polish war of 1654–1667; nobility; Europeanization.

Исследуются проблемы формирования офицерского корпуса в России XVII в. и влияние на этот процесс финансовой ситуации, военных реформ и хода русско-польской войны 1654–1667 гг. Актуализируется изучение процесса воздействия военной реформы, денежной реформы 1654 г. и ликвидирующей ее «контрреформы» 1663 г. на состояние и перспективы развития европеизированного офицерского корпуса полков «нового строя». Также рассматриваются условия появления «сметы воинских сил 1663 г.» – одного из важнейших источников по истории русской армии XVII в. В качестве примера офицерской карьеры приводятся

сведения о биографии Патрика Гордона на начальном этапе его карьеры. Делается вывод, что финансовые проблемы, повлиявшие на условия выплаты офицерского жалования, стали одним из важнейших факторов, которые закрепили низкий социальный статус офицерства «новой армии» в восприятии русской дворянской элиты и надолго (до начала XVIII в.) затормозили процесс формирования русского национального офицерского корпуса. Эту проблему удалось решить лишь Петру I.

К л ю ч е в ы е с л о в а: история русской армии; реформы Алексея Михайловича; история офицерства; русско-польская война 1654–1667 гг.; дворянство; европеизация.

Почти общепризнанно, что процесс трансформации европейских армий в раннее Новое время, получивший в историографии название «военной революции» (хронологические рамки которой определяют по-разному, от XVI до как минимум середины XVIII вв.), оказал серьезнейшее влияние на социальные, государственные и финансовые структуры европейских стран. Не была исключением и Россия¹, в которой первый² по-настоящему значимый этап «военной революции» пришелся на XVII в. и был связан с созданием полков «нового строя» («иноземного строя»), рожденных военной реформой периода Смоленской войны 1632–1634 гг. Михаила Федоровича и ставших основой русской армии в ходе проведенной спустя два десятилетия военной реформы его сына Алексея Михайловича³. Одним из результатов этого этапа была и заметная «европеизация» русской армии. Ее следствием стало появление европеизированного офицерского корпуса, комплектуемого, как и в современных ей европейских армиях, в значительной степени за счет массовой вербовки иноземных офицеров из уже тогда «интернационализируемой» их массовым перемещением из страны в страну Европы.

Этап этот был не менее важен, чем последовавший через полвека «петровский», и оказал не менее кардинальное воздействие на социальные, политические и даже финансовые системы и механизмы, определяющие состояние российского общества. О некоторых аспектах этого влияния и о теснейшей взаимосвязи военной и финансовой политики российского государства и пойдет речь в данной статье.

Сюжеты, затронутые в ней, помогают одновременно оценить (пусть и на более узком материале, характеризующем лишь одну из «подсистем» этой новой армии – ее офицерский корпус) и некоторые общие итоги военной реформы Алексея Михайловича,

¹ Обзор историографии «военной революции», в том числе и в России [Пенской; Черников, с. 704, примеч. 5].

² Несмотря на то, что она началась в России, скорее всего, уже в XVI в. при Иване Грозном, системный и масштабный характер перемены в военном деле приобрели все-таки в основном уже в XVII в.

³ Ход и итоги реформы отражены в трудах ряда российских историков: [Чернов, гл. 5–6; Малов; Курбатов, 2007; 2006].

т. к. касаются как раз того периода, когда они вполне проявились и определились, – финала русско-польской войны 1654–1667 г. В ходе него появилась одна из немногочисленных общих «смет» (росписей) воинских сил российского государства⁴, по которым мы в основном и оцениваем состояние русской армии в XVII в., – «смета 1663 г.». Материалы этих «смет» широко используются в первую очередь военными историками, не всегда, однако, обращающими внимание на контекст их появления и на их связь с внутривойсковыми процессами, которую нам как раз и хотелось бы отразить.

Нам уже приходилось давать характеристику военных формирований «нового строя», находившихся на пороге 1650-х гг. еще в полузачаточном состоянии накануне начала масштабных военных реформ, связанных с русско-польской войной 1654–1667 гг. [Петрухинцев, 2013]. Это неутешительное положение было отражено «сметой 1651 г.», составленной накануне этой войны, очевидно, с целью оценить общее состояние русских вооруженных сил в преддверии намечающегося столкновения с Речью Посполитой из-за Украины. Не исключено, что критическая оценка тогдашнего военного потенциала России стала одной из вероятных причин решения Земского собора 19–28 февраля 1651 г. о невозможности в тот момент присоединения Украины к России [Черепнин, с. 324–327], а также стартовым толчком к последовавшей вскоре масштабной военной реформе Алексея Михайловича. Возможность оценить результаты этой реформы для офицерского корпуса России в завершающий период все-таки разразившейся войны как раз и дают нам материалы, связанные с составлением следующей после «сметы 1651 г.» (пусть и «неклассической», уступающей ей в полноте и детальности, что было в первую очередь связано с ее преимущественно финансовым характером) «сметы воинских сил» 1663 г., опубликованной в свое время С. Б. Веселовским [Веселовский].

Публикация С. Б. Веселовского свидетельствует, что сметные списки 1661–1663 гг. появились не случайно и что их история теснейшим образом переплетена с одним из ключевых событий «бунташного века» – со знаменитым Медным бунтом лета 1662 г., в свою очередь, ставшим результатом проблем, во многом связанных с финансированием армии во времена русско-польской войны.

Масштабная военная реформа, запущенная войной, прошедшая в своем развитии два основных этапа (1653–1654 гг. и осень 1656 – весна 1658 гг.) и в основном законченная формированием Белгородского

⁴ *Смета 1631 г.* [«Сметный список 139 году» // *Временник МОИДР.* 1849. Кн. 4. С. 15–21] (анализировалась В. Н. Козляковым [Козляков, с. 99–102, табл. 2, 3]); *Смета 1651 г.* [«Смета великого государя... царей, царевичей, и бояр... и всяких служилых людей нынешнего 159 году» // *Дворянство России и его крепостные крестьяне XVII – первой половины XVIII в.* М., 1989. С. 8–33]; *смета 1681 г.* [«Роспись перечневая ратным людям, которые во 189 г. росписаны в полки по разрядам» // *Описание государственного разрядного архива.* М., 1842. С. 72–92] (частичный анализ см.: [Лаптева, с. 211–220, табл. 8–15]).

полка (и Белгородского разряда) в 1658 г. [Петрухинцев, 2014], как мы уже отмечали, привела к тому, что основой русской армии стали военные формирования «нового строя». Однако их массированное создание породило сложнейшую проблему финансирования военной реформы и «новой армии», которую правительство на начальном этапе (как и позднее в эпоху Петра) во многом решало, очевидно, за счет использования инфляционных механизмов.

Как установил уже К. В. Базилевич, старт денежной реформы 1654–1663 гг. вовсе не случайно совпал по времени с началом русско-польской войны и с генерированной ею военной реформой Алексея Михайловича – решение об изменении денежной системы было принято не позднее 9 мая 1654 г. после не вполне удачных попыток изыскания средств на увеличившуюся армию накануне выступления 16 мая царя в военный поход [Базилевич, с. 7–9]⁵, и «...момент начала денежной операции должен быть отнесен к маю 1654 г., т. е. к самому началу войны» [Там же, с. 10]. Вряд ли случайно и то, что первоначальный широкий план реформы с ориентацией русской денежной системы на талер и на приближение ее по структуре монетных номиналов к европейским денежным системам (по своим идеям чем-то напоминающий будущую денежную реформу Петра, но неудачный по исполнению, а потому вызвавший сопротивление населения), был уже через год свернут и принесен в жертву чисто фискальным интересам, выразившимся в ускоренной чеканке более привычной для России копейки (только не серебряной, а медной) [Мельникова, с. 199–201, 203–204]. Возможно, что порча монеты (а также и сама русско-польская война, как позднее и Северная при Петре I [Petrukhintsev]) рассматривались вначале как явления локальные и кратковременные (в этом отношении характерно выражение одного из первых указов о монетной реформе: «...а как государева служба минетца...» [Базилевич, с. 21]), однако война, как и при Петре, неожиданно превратилась в затяжную. Поэтому война и военная реформа Алексея Михайловича (как и петровская на начальной стадии) в конечном итоге в значительной степени финансировались за счет прибылей от чеканки и перечекировки монеты, которые должны были дать, по подсчетам К. В. Базилевича, 223 405 руб. от перечекировки серебряной монеты и 3 952 000 руб. от выпуска медной – в совокупности 4,175 млн руб. [Там же, с. 14], *два годовых бюджета* России три десятилетия спустя, в 1680 г.

Разница с петровским временем была лишь в том, что начальный (и основной) этап петровской военной реформы обеспечивался дивидендами, получаемыми правительством за счет почти двукратной девальвации серебряного рубля и прибыли от процесса перечекировки в него старой полновесной серебряной копейки, а начальный (и тоже основной) этап реформы Алексея Михайловича – выпуском обесцененных медных денег в ходе денежной реформы 1654–1663 гг.

⁵ Взаимосвязь денежной «медной» реформы с финансированием «новой» армии, в частности, отметила Кэрол Стивенс [Stevens, p. 150].

(преимущественно – медных копеек с осени 1655 г.), запустивших механизм «медной инфляции» [Мельникова, с. 199–205].

Однако польза от этих мероприятий и в том, и в другом случае была временной, а негативный эффект, проявлявшийся зримо и очевидно уже четыре-пять лет спустя, весьма болезненным. Естественно, что гораздо сильнее он оказался во времена Алексея Михайловича, нарушившего при этом фундаментальные законы денежного обращения. Дестабилизация денежной системы, вызванная медной чеканкой времен Алексея Михайловича и достигшая кульминации в 1661–1662 гг., вскоре вызвала обратную реакцию, породившую серьезные проблемы в отношении не только с собственным населением, но и с иноземным офицерством, составлявшим костяк офицерского корпуса полков «нового строя» и по-прежнему остро необходимым на финальном этапе затянувшейся войны.

По наблюдениям К. В. Базилевича, гораздо раньше и намного сильнее, чем во внутренних районах страны, последствия «медной инфляции» сказались на театрах военных действий и в «тыловой зоне» русской армии [Базилевич, с. 39], на жалование которой направлялась основная часть медных денег. Уже в 1661 г. их перестало принимать местное население на Украине, что к концу 1661 г. – лету 1662 г. фактически привело к «распаду московского фронта на Украине» и массовому бегству солдат из полков (так, в частности солдатские полки Дирика и Ивана Загера [Фанзагера. – *Н. П.*] к маю 1662 г. бежали «без остатку»), а 24 мая 1662 г. иноземные офицеры полков Новгородского разряда пришли к командующему Новгородским полком князю Б. А. Репнину с коллективными жалобами и угрозой оставить русскую службу [Там же, с. 33–36]. Боеспособность армии существенно снизилась, что, после тяжелых поражений 1660–1661 гг. и начала в 1662 г. восстания в Башкирии, фактически поставило Россию в 1662–1663 гг. на грань тяжелейшего военного и дипломатического кризиса. Уже в октябре 1662 г. это вынудило правительство предпринять попытку заключения мира с поляками ценой предложенных едва ли не в первый раз значительных уступок, воплотившуюся в специальной миссии А. Л. Ордин-Нащокина в Польшу, предпринятой в октябре 1662 – мае 1663 г., но не имевшей успеха на переговорах во Львове, т. к. польское правительство рассчитывало на дальнейшую дестабилизацию внутреннего положения в России [Флоря, с. 12–39]. Все это делало крайне опасным наметившийся в армии кризис.

Недовольство иноземного офицерства, отразившееся в дневнике П. Гордона, и мало смягченное тем, что к концу 1662 г. бояре, имеющие владения вокруг Москвы, частично взяли его на свое натуральное содержание, уже в основном охарактеризовано А. А. Рогожиным [Рогожин, 2013, с. 78, примеч. 20–21]. К приведенным им сведениям можно добавить лишь то, что сам Гордон (который, имея ранее в виде возможной альтернативы менее перспективную с точки зрения карьеры австрийскую службу, «обезумел от досады», ощутив низкую

стоимость медных денег уже при въезде в Россию в августе 1661 г. [Гордон, 2003, с. 102] вдобавок считал, что лично он понес серьезные финансовые потери: за два года пребывания на русской службе во времена «медных денег» он потратил 500 дукатов из 600, привезенных с собой в Россию [Там же, с. 133]. Лишь некоторое облегчение в начале 1662 г. принес умерший бездетным долголетний лидер правительства Алексея Михайловича боярин Б. И. Морозов. Издавна тесно связанный с Иноземным приказом (бывший его главой еще до восстания 1648 г., а также, несомненно, контролировавший его и в последующем через своего клиента и ставленника И. Д. Милославского) и, вероятно, еще в 1648–1649 гг. бывший одним из активных сторонников военной реформы «по европейскому образцу»⁶, «иноземным офицерам он завещал *месячное жалование в рейхсталерах, которое мы получили*» [Гордон, 2003, с. 116].

В конце концов офицерское недовольство выразилось в массовом демонстративном протесте и в столице: 17 марта 1663 г., в день именин Алексея Михайловича (в день Алексея Божьего человека), иностранные офицеры подали царю коллективную челобитную, «представляя наше несчастное положение по причине дешевины медной монеты, коих ныне идет 15 за одну серебром, и просили платить нам в серебряных деньгах, или же по их стоимости в медных, а иначе предоставить нам свободный выезд из страны», но ответа не получили [Там же, с. 128].

Тем не менее, не надо думать, что правительство тогда никак не реагировало на эту весьма болезненную проблему: о том, что оно в это время уже готовило денежную реформу с возвращением к полноценному серебряному денежному обращению, как раз и свидетельствуют материалы, опубликованные С. Б. Веселовским. Еще за месяц до коллективного протеста иноземцев, почти в то самое время, когда Гордон писал «о нашей великой нужде из-за медных денег и о малой вероятности перемен» [Там же, с. 127], 5 февраля 1663 г. Алексей Михайлович приказал собрать из всех приказов: 1) росписи прихода и расхода серебряным деньгам, 2) «*росписи ратным людям конным и пешим на Москве и в городех*», а также потребовал: 3) «*росписать указные дачи по полком и по чином, конным и пешим порознь*», определив при этом новые ставки жалования *уже в серебряных деньгах* (конным, разделенным на 3 статьи – 15 руб., 12 руб., 10 руб. в зависимости от статьи, к которой они отнесены; солдатам (2 статьи) – соответственно 6 и 4 денег на день; драгунам (2 статьи) – 4 руб. и 3 руб.; стрельцам (2 статьи) – 3 руб.

⁶ По сообщению шведского резидента К. Помереннинга, вскоре за назначением И. Д. Милославского к январю 1649 г. на волне недоверия к московским стрельцам после восстания 1648 г. возникли проекты формирования 5000-го контингента «гвардейских» полков «нового строя», а к весне 1649 г. пошли слухи о попытке создания каких-то формирований «нового строя» из 6 000 всадников и 2 400 солдат, встретившие однако, серьезное недовольство боярства и простого народа, считавшего это происками Б. И. Морозова, искавшего «...войны для того, чтобы быть в безопасности, и можно было мучить их» [Якубов, с. 440, 448].

и 2 руб.; «для службы на подъем» (2 статьи) – 2 руб. и 1 руб.). Восстановление серебряного денежного обращения и ставок жалования в серебре обостряло проблемы финансирования, и составной частью реформы должен был стать новый экстраординарный «полуполтинный» налог с населения, определенный позднее суммой в размере 116 408–145 510 руб. Для расчета его ставки, дифференцированной по степени платежеспособности населения, окольный Федор Кузьмич Елизаров должен был предоставить сведения о числе «во всем государстве людей по переписным книгам» – правительство (как и во времена Петра, почти сорок лет ориентировавшегося на «дворовое число» по переписи 1679 г.) в итоге получило сведения о «дворовом числе» в 582 042 двора, скорее всего, по данным еще не столь уж давней дворовой переписи 1646 г. [Веселовский, с. 5–6].

Таким образом, правительство, вопреки мнению Гордона, серьезно готовило «контрреформу» с возвращением к серебряной монете, но, естественно, делало это втайне, чтобы не допустить паники и ажиотажа в сфере денежного обращения, проявившихся, по сведению все того же Гордона, лишь в самый канун введения реформы в действие 15 июня 1663 г. [Гордон, 2003, с. 128–129], спустя как минимум полгода после начала серьезной практической ее подготовки. Возможно, свою роль в этой «контрреформе» сыграл и известный «деловой фаворит» Алексей Михайловича А. С. Матвеев – по некоторым сведениям, ему был поручен надзор за московским денежным двором, возобновившим чеканку полновесных серебряных копеек, а возможно, и следствие над производившими фальшивую медную монету [Берх, с. 159–160]. Сам Матвеев позднее ставил себе в заслугу организацию прибыльной чеканки серебряной монеты («денежный двор 15 лет стоял пуст, пуда серебра в заводе на дело денежное не бывало; я ж, холоп твой, завел делать на дворе деньги...») [Матвеев, с. 65; Соловьев, кн. VII, с. 183]), которая помогла нормализовать серебряное денежное обращение.

Одним из звеньев подготовки этой денежной «контрреформы» и стали «сметы 1663 г.» (несколько сметных списков, собранных, видимо, по различным территориальным разрядам на ближайшее к моменту реформы время, и потому отразивших состояние вооруженных сил на несколько разновременных срезов от 1661 до весны 1663 г.). Благодаря финансовым мотивам их составления, они, в отличие от других смет, содержат сведения о ставках жалования самых разных категорий служилых людей (чрезвычайно важные для характеристики финансового положения офицерства), равно как и не вполне точную, но все же достаточно представительную информацию, позволяющую оценить хотя бы общую картину состояния офицерского корпуса, а также основной тренд тех перемен, которые произошли в нем за время военной реформы Алексея Михайловича.

Если суммировать данные этих смет, мы можем выстроить следующую картину состояния офицерского корпуса полков «нового строя» на 1663 г., отраженную в приведенной ниже табл. 1:

Таблица 1

Структура офицерского корпуса полков «нового строя» на 1663 г.

Чин	В полках и городах			В Москве				Всего офицеров
	рейтары*	драгуны	солдаты	рейтары	драгуны	солдаты	гранатного дела**	
генерал			1					1
генерал-поручик			1					1
генерал-майор						1		1
полковник	25	3	27	7		11		73
подполковник	26	4	38	12	4	9		93
майор	28	8	45	9	3	17	1	111
ротмистр	183			42				225
капитан-поручик	25			7				32
капитан		50	226		3	59	1	339
поручик	249	61	274	42	2	32		660
квартирмейстер	24	3	20	2		1		50
прапорщик	266	59	298	31	3	34	1	692
адъютант	25		2	1				28
обозник	24	4	12			1		41
лекарь						1		1
ученики							4	4
<i>Итого</i>	<i>875</i>	<i>192</i>	<i>944</i>	<i>153</i>	<i>15</i>	<i>166</i>	<i>7</i>	<i>2352</i>

Источник: [Веселовский, с. 6–20].

* Под общим обозначением «рейтары» учитываются рейтарские и копейные части.

** Под офицерами и учениками «гранатного дела», очевидно, имеется в виду офицерский состав особого (артиллерийского) полка и ставшего его частью московского «гранатного двора», руководимых генералом-датчанином Н. Бауманом [Лобин, с. 182].

К общему числу офицеров, учтенных в таблице, следовало бы прибавить еще и командный состав двух солдатских полков, стоящих в Астрахани и не учтенных в основной части сметы (2 полковника, 3 подполковника, 2 майора, 4 капитана, 7 поручиков, 11 прапорщиков), в общей сложности – 29 офицеров [Веселовский, с. 43], с которыми учтенный в сметах офицерский корпус полков «нового строя» достигнет численности в 2381 человек.

Уже одна эта совокупная численность отражает масштаб тех перемен в общем составе русской армии и в ее формированиях «нового строя», которые были вызваны военной реформой Алексея Михайловича всего лишь за одно десятилетие ее проведения.

Реформа, таким образом, была проведена в *столь же (и даже более) стремительном темпе, что и петровская* (менее чем за 10–11 лет,

которых потребовала последняя), а размах ее становится еще более очевидным, если мы сравним состояние офицерского корпуса в 1663 г. с его численностью и структурой на момент составления предыдущей сметы 1651 г.⁷:

Таблица 2

*Динамика состава офицерского корпуса полков
«нового строя» в 1651–1663 гг.*

Чин	1651 г.	1663 г.
генерал		1
генерал-поручик		1
генерал-майор		1
полковник	7	73
подполковник	6	93
майор	15	111
ротмистр	18	225
капитан-поручик		32
капитан	33	339
поручик	76	660
квартирмейстер	5	50
прапорщик	89	692
адъютант		28
обозник	13	41
лекарь	1	1
ученики		4
<i>полковой окольный*</i>	1	
<i>подпрапорщик</i>	11	
<i>писарь</i>	2	
<i>Итого</i>	<i>277</i>	<i>2352</i>

* Курсивом выделены чины, которые есть в смете 1651 г., но уже не учитываются в 1663 г.; «полковой окольный» – скорее всего, ошибка, должно быть: «полковой обозничий».

Как видим, офицерский корпус формирований «нового строя» фактически за одно лишь десятилетие вырос как минимум в 8,5 раз и оказался по численности даже чуть большим, чем *весь контингент иностранцев*, ведавший в Иноземном приказе в 1651 г. (2 313 человек) [Петрухинцев, 2013, с. 513].

Это не удивительно, если учесть масштаб тех перемен, которые произошли за годы реформы в численности и структуре формирований нового строя, насчитывавших в 1651 г. всего 6–7 полков [Там же, с. 519]. Они наглядно отразились в смете 1663 г., по материалам которой построена табл. 3.

⁷ Более детально она анализировалась в нашей предыдущей работе [см.: Петрухинцев, 2013, с. 513–521].

Таблица 3

Структура размещения формирований «нового строя» в 1663 г.

	Рейтары и копейщики (полков)	Гусары (полков)	Драгуны (полков)	Солдаты (полков)	Итого (полков)
Смоленск	7			3	10
Литва (Дорого- буж, Быхов, Полоцк, Витебск)				4	4
Новгород	4	1		7	12
Казань				2	2
Царицын				1	1
Белгород	7		1	6	14
Киев	1			2	3
Переяслав	2				2
Севск	3		2	5	10
Чернигов				1	1
Путивль				1	1
Брянск	1			2	3
Невель				1	1
Тамбов				1	1
<i>Итого в городах</i>	25	1	3	36	65
Астрахань				2	

Данные таблицы воочию демонстрируют прежде всего существенный рост количества полков «нового строя»: с 6–7 до 65, учтенных в основной части сметы (с добавлением двух астраханских полков – до 67), т. е. практически в 10 раз (что, собственно, и определяет столь резко возросшее число офицеров). Но эта численность далеко не полна: 1) смета явно не учитывает два «выборных» («гвардейских») полка А. А. Шепелева и М. О. Кровкова, прекрасно охарактеризованные А. В. Маловым [Малов]; 2) она, вероятно, не рассматривает и ряд полков, расквартированных в Москве или окрестностях Москвы, полковники которых внесены в сметные списки 1663 г. при определении расчетов жалования. Возможно, часть этих «московских» полков не имела постоянного состава и была своего рода «перевалочными учебными базами», «солдатскими школами», готовившими пополнение для армии, как полк генерал-майора Даниила Кроуфорда, которым реально командовал в тот момент его протеже подполковник П. Гордон, отразивший в своем дневнике эту специфику [Гордон, 2003, с. 116]. Однако, они, видимо, существовали по крайней мере как кадровые структуры, и с учетом их общая численность полков «нового строя» действительно могла достигать той, что была указана в общем итоговом финансовом расчете «сметы 1663 г.» – 75 рейтарских и солдатских полков общей численностью

в 76 920 человек, в числе которых 2 420 офицеров [Веселовский, с. 26–27] (что весьма близко к приведенным выше нашим расчетам по смете). Примерно таким же офицерский корпус полков «нового строя» оставался и в конце XVII в. – в 1696 г. он насчитывал 2 257 офицеров [Великанов, 2014, с. 339].

И по своей численности, и по структуре эта армия «нового строя», насчитывавшая без учета расквартированных в Москве полков не менее 29 кавалерийских (1 гусарский, 25 рейтарских и копейных, 3 драгунских) и 36 (40 с учетом «выборных» и астраханских) пехотных полков, уже весьма близка к полевой армии Петра I (33 кавалерийских и 42 пехотных полка по штату 1711 г. [ПСЗ, т. 4, № 2319, с. 590]⁸). Сложившийся к 1663 г. ее состав мало изменился к концу XVII в., лишь несколько увеличившись после Азовских походов Петра I за счет солдатских полков, сформированных для защиты и заселения новых крепостей на юге (Азова и Таганрога), – по подсчетам В. С. Великанова, она насчитывала в 1699 г. не менее 29 рейтарских и копейных и 57 солдатских полков [Великанов, 2013, с. 346–347].

Естественно, что в условиях продолжающейся русско-польской войны основная часть этой армии (фактически 9/10 состава) была сосредоточена в 1663 г. на двух главных театрах военных действий: 27 полков «нового строя» из учтенных по сметным спискам 65 (41,5 % этих полков и 36 % из обозначенных в общем итоге сметы 75) расположены на западном театре (Смоленск и смежные с ним контролируемые на тот момент русскими войсками литовские города, а также Новгород); еще 34 (соответственно 52,3 % и 45,3 % от тех же показателей) – на южном и юго-западном «украинском», преимущественно в полках Белгородского и Севского разрядов. «Южная» группировка была даже более значительна, чем «западная».

Все это отразилось и на территориальном размещении офицерского корпуса (см. табл. 1), большая часть которого (2 011 человек из 2 352, т. е. 85,5 %) находилась в действующей армии, на театрах военных действий, и меньшая (341 человек, 14,5 %) – в Москве и центральных районах. И, естественно, основной массе этих «полевых» офицеров сделать успешную карьеру было гораздо сложнее, чем «тыловику» подполковнику Патрику Гордону, оказавшемуся на момент составления сметы в этой немногочисленной группе «столичных» офицеров, приближенных ко двору и погруженных в мир Немецкой слободы, где они быстро продвигались по службе с использованием земляческих и религиозных связей, а также механизмов патронажа внутри складывающейся в то же время в слободе более узкой «полковничьей» корпорации офицерской верхушки России – элиты иноземной части российского офицерского корпуса.

⁸ Речь идет именно о полевой армии (без учета гарнизонных частей). Сходство с петровской структурой окажется еще более разительным, если мы добавим еще как минимум 7–8 не учтенных в смете 1663 г., но отраженных в ее общем итоге полков «нового строя», связанных с Москвой, где числятся в списках 7 рейтарских и 11 пехотных полковников.

Вероятно, успешному старту офицерской карьеры П. Гордона немало способствовала и его «брачная стратегия» – фактически во время начала правительственных работ над «сметой» в середине января 1663 г. Гордон, недавно с успехом отделившийся от удалявшей его от столицы командировки с полком на подавление восстания в Башкирии и даже добившийся при этом повышения чином от майора до подполковника, решил жениться. Тогда же, чтобы быть ближе к невесте и «полковничьей» элите, он перебрался на жительство из города в Немецкую слободу – на квартиру к брату своего командира Т. Крофорду, одному из представителей старейшего и влиятельнейшего в России (к тому же шотландского, как и Гордон) офицерского клана [Гордон, 2003, с. 120–121]⁹. Избранницей Гордона стала хорошенькая католичка, 13-летняя дочь попавшего в польский плен полковника Филиппа Альберта фон Бокховена, «благородного джентльмена, старшего полковника [на момент начала реформы – почти аналог генеральского чина. – Н. П.], большого любимца царя и знати» [Гордон, 2003, с. 125], представителя не менее влиятельного на тот момент офицерского клана. С именем главы это клана, выходца из Голландии Исаака фон Бокховена (фан Буковена), приближенного Б. И. Морозова и И. Д. Милославского (как раз и завербовавшего Бокховена во время своей посылки при дипломатической миссии в Голландии в 1646 г. [Якубов, с. 409, прим.]), было теснейшим образом связано начало военной реформы Алексея Михайловича. Кстати, будущий тесть П. Гордона и сын И. фон Бокховена (тогда еще майора), сумел снискать симпатии И. Д. Милославского, вероятно, уже в момент своего найма в Голландии в 1646 г. при смотре будущих офицеров на посольском дворе: «Филипп Альберт фон-Буковен выходил с мушкетом и с пиками, с капитанскою и солдатскою, стрелял из мушкета и штурмовал пикою и шпагою различные штуки и по досмотру *добр добре*» [Соловьев, кн. 5, с. 593]. Брак облегчался еще и тем, что по матери, англичанке из рода Воэн (Voghan) из Уэльса [Гордон, 2009, с. 286], невеста была соотечественницей Гордона и наверняка прекрасно владела английским языком.

Таким образом, начальные этапы карьеры Гордона протекали в столице и были связаны с поддержкой двух старейших и, пожалуй, влиятельнейших на тот момент «полковничьих» кланов в России, не говоря уже о патронаже со стороны крайне немногочисленного в годы русско-польской войны генералитета, который на весну 1663 г. был исключительно шотландским¹⁰.

⁹ О начальных этапах карьеры клана Крофордов см.: [Ноздрин].

¹⁰ Уже к лету 1663 г. П. Гордон состоял в активной переписке с верхушкой русского генералитета – шотландцами генералом Т. Дальйеллом (с которым Гордон, живя в Немецкой слободе, именно в дни денежной контрреформы 1663 г. «*свел и поддерживал тесную дружбу*») и генерал-лейтенантом У. Драммондом, связи с которыми только укрепилась после кратковременной командировки полка Д. Крофуорда – Гордона в 1664 г. в Смоленск, где находился возглавляемый ими штаб западной группировки войск [Гордон, 2003, с. 133–136, 143–144, 154].

Одним из результатов прошедшего десятилетия военной реформы и важнейшим звеном крайне немногочисленных новшеств, внесенных ей в структуру офицерского корпуса (как считает О. А. Курбатов, внутренняя структура полковых формирований и номенклатура чинов в них сложилась уже в 1630–1640-е гг., и в целом реформа Алексея Михайловича свелась лишь к количественному увеличению числа сложившихся полковых структур¹¹), стало появление *российского генералитета*. Другие изменения, как это видно в табл. 2, были крайне незначительны и в основном свелись к введению чинов капитан-поручика и полкового адъютанта.

Российский генералитет, история которого в последнее время успешно анализируется в серии работ А. А. Рогожина [Рогожин, 2012а, 2012б], стал еще одним детищем военной реформы Алексея Михайловича, причем не только результатом заимствования структуры европейских военных чинов, но и естественным следствием уже рассмотренного нами выше роста численности полков «нового строя» и их офицерского корпуса, что, само собой разумеется, потребовало введения более сложной иерархии, выходящей за уровень полковничьего чина. Однако число российских генералов на первоначальных этапах реформы Алексея Михайловича (и видимо в ходе всей русско-польской войны) в структуре русской армии, отразившейся в «смете 1663 г.», было пока невелико, и включало лишь трех человек – 1 полного генерала, 1 генерал-поручика (генерал-лейтенанта) и 1 генерал-майора. Немногочисленность генералитета объяснялась подчиненным положением полков «нового строя» в военной структуре России и наличием более привычной и считавшейся более важной параллельной традиционной командной «воеводской» иерархии во главе с русскими воеводами «больших» («разрядных») полков (командующими тогдашних «армий», «корпусов» и «дивизий»), которым подчинялись иноземные генералы и полковники. Она сохранялась до самого конца XVII в.: в 1696 г. российский генералитет, даже увеличившись вдвое, насчитывал всего семь человек [Великанов, 2014, с. 339].

Как уже говорилось, весной 1663 г. генеральские должности занимали исключительно шотландцы (генерал-аншеф Томас Дальйелл и генерал-лейтенант Уильям Драммонд (Дромонт, Друмонт), руководившие «штабом» западной группировки войск в Смоленске и сменившие там недавно умершего А. Лесли, а также непосредственный начальник Гордона генерал-майор Даниил Крофуорд (Краферт, Кроффорд) в Москве). Одновременно они по-прежнему числились полковниками своих полков и в «смете» учитывались в числе полковников, реально командующих полками.

Иноземный состав генералитета был органическим следствием стремительного темпа военной реформы Алексея Михайловича – лавинообразный рост числа полков «нового строя» в течение всего пяти лет при почти полном их отсутствии на предыдущем этапе

¹¹ О. А. Курбатов любезно поделился этими мыслями в личной беседе с автором.

(а соответственно, и отсутствии собственных офицерских кадров), а также потери в ходе неудачных сражений 1659–1661 гг. потребовали массового найма иноземных офицеров, масштабы вербовки которых в годы русско-польской войны, вероятно, превосходили и царствование Михаила Федоровича, и петровское.

Следствием того же процесса, а также психологических барьеров, связанных с низким престижем (недостаточной «честностью») даже офицерской службы в полках «нового строя» (особенно пехотных), стало и преобладание иноземных офицеров в «полковничьем» корпусе русской армии, тоже в основном отраженное «сметой 1663 г.».

Таблица 4

Полковники на 1663 г.

№	Фамилия	Чин	Национальность	Род войск	Место службы	Месячный оклад
1	Бели Томас (Бейли)	полковник	иноземец	солдаты	Москва?*	40
2	Бильс Яков	полковник	иноземец	рейтары	Москва?	45
3	Брюс Вилим (Брюс Уильям)	полковник	иноземец	солдаты	Смоленск	40
4	Вестов Михаил	полковник	иноземец	солдаты	Казань	
5	Вод Александр (Водов)	полковник	иноземец	рейтары	Новгород	40
6	Вормзер Федор Семенов сын (Вормзер)	полковник	иноземец	рейтары	Белгород	45
7	Гамолтон Андрей (Гамильтон, Гамонтон)	полковник	иноземец	солдаты	Москва?	45
8	Гез Томос (Гези, Гейс)	полковник	иноземец	солдаты	Новгород	35
9	Гел Адам Юрьев сын (Гель, Ель)	полковник	иноземец	солдаты	Белгород	30
10	Гопт Михаил Марков сын	полковник	иноземец	рейтары	Белгород	40
11	Гохварт Адам	полковник	иноземец	солдаты	Москва?	40
12	Грабов Юрья	полковник	иноземец	солдаты	Москва?	35
13	Граф Дирик (Ирик)	полковник	иноземец	солдаты	Белгород	30
14	Гулиц Индрик	полковник	иноземец	солдаты	Невель	35

Продолжение табл. 4

15	Гулиц Яган (Иоганн) (Гулец)	полковник	иноземец	драгуны	Белгород	30
16	Далиэль Томос (Дальейелл)	генерал салдацкого строя	иноземец	солдаты	Смоленск	100
17	Дефром Юрий	полковник	иноземец	солдаты	Витебск	30
18	Дромонт Вилим (Драммонд Уильям)	генерал-поручик	иноземец	солдаты	Смоленск	100
19	Ердан Давид (Иордан)	полковник	иноземец	солдаты	Царицын	
20	Инволт (Инволт, Инвалт, Ингвальт) Яган Иванов сын	полковник	иноземец	солдаты	Белгород	35
21	Инглес Юрий (Инглис)	полковник	иноземец	солдаты	Севск	50
22	Кинкет Александр	полковник	иноземец	солдаты	Киев	30
23	Краферт Даниил (Крофорд Дэниэл)	генерал-майор	иноземец	солдаты	Москва	50
24	Краферт Томас (Крофорд)	полковник	иноземец	солдаты	Москва?	43
25	Краферт Яган (Крофорд Джон)	полковник	иноземец	солдаты	Казань	
26	Купер Яган	полковник	иноземец	солдаты	Чернигов	30
27	Лесли Яков	полковник	иноземец	солдаты	Белгород	40
28	Лукс Ирик Андерсон	полковник	иноземец	драгуны	Севск	40
29	Мевс Иван	полковник	иноземец	солдаты	Москва?	40
30	Мингаус Христофор (Мынгаус)	полковник	иноземец	рейтары	Смоленск	40
31	Обернятин Яков (Оберняти)	полковник	иноземец?	рейтары	Киев	40
32	Одоров Яков (Одоверн, О'Даворен, Одобрин)	полковник	иноземец?	рейтары	Новгород	40
33	Полмер Рычерт (Палмер)	полковник	иноземец	рейтары	Смоленск	40
34	Рей Якуб	полковник	иноземец	рейтары	Переяславль	40
35	Ронорт Яков	полковник	иноземец	солдаты	Москва?	40

Продолжение табл. 4

36	Росформ Артемий	полковник	иноземец	солдаты	Новгород	
37	Росформ Вилим	полковник	иноземец	солдаты	Новгород	
38	Сас Иван Семенов сын	полковник	иноземец	рейтары	Белгород	40
39	Скоржинский Петр Семенов сын	полковник	иноземец	рейтары	Белгород	40
40	Страсборх (Страсбург, Штразбург) Яган (Иоганн)	полковник	иноземец	солдаты	Севск	45
41	Траурнихт (Трауэрнихт) Афанасий	полковник	иноземец	рейтары	Москва	45
42	Трейден Яган (Иоганн)	полковник	иноземец	солдаты	Новгород	30
43	Тур Яков	полковник	иноземец	рейтары	Белгород	40
44	Фанблументрост Крестьян (фан Блументрост)	полковник	иноземец	солдаты	Новгород	35
45	Фанбуковен Корнилиус	полковник	иноземец	рейтары	Москва?	40
46	Фанбуденброк Иван	полковник	иноземец	рейтары	Москва?	40
47	Фанвисин Денис	полковник	иноземец	рейтары	Москва?	45
48	Фангаленэнборх Трофим	полковник	иноземец	солдаты	Витебск	35
49	Фанговен Яган (Ховен фон Иоганн)	полковник	иноземец	рейтары	Смоленск	40
50	Фанголстен Яков (фан Голстейн?)	полковник	иноземец	солдаты	Киев	30
51	Фандернисин Давид	полковник	иноземец	рейтары	Переяславль	45
52	Фанзагер Яган (фан Загер Иоганн)	полковник	иноземец	солдаты	Белгород	35
53	Фанкалтох Сейбольт	полковник	иноземец	рейтары	Брянск	
54	Фанлубенов Крестьян (фон Лубен, Лубенов Христиан)	полковник	иноземец	солдаты	Новгород	35

Продолжение табл. 4

55	Фанстаден Николай (Штаден фон Николаус)	полковник	иноземец	солдаты	Москва?	40
56	Фливерк Иван	полковник	иноземец	солдаты	Полоцк	30
57	Форот Андрей (Форрет Эндрю)	полковник	иноземец	солдаты	Новгород	
58	Франзбеков Ефим	полковник	иноземец	солдаты	Полоцк	45
59	Франзбеков Иван	полковник	иноземец	солдаты	Москва?	35
60	Франк Иван	полковник	иноземец	солдаты	Москва?	30
61	Фрелих Петр	полковник	иноземец	рейтары	Новгород	40
62	Шейнг Гоплипт (фан Шейн, Фаншейн) (Готлип)	полковник	иноземец	рейтары	Новгород	40
63	Шель Александр	полковник	иноземец	рейтары	Москва?	40
64	Энес Лаврентий	полковник	иноземец	солдаты	Путивль	
65	Эршов Фредерик (Ершов)	полковник	иноземец	солдаты	Севск	35
66	Юнкман Иван	полковник	иноземец	драгуны	Севск	30
1	Волжинский Василий	полковник	русский?	солдаты	Москва?	30
2	Воронин Борис	полковник	русский	солдаты	Севск	25
3	Змеев Венедикт	полковник	русский	рейтары	Смоленск	50
4	Зыбин Давыд	полковник	русский	рейтары	Москва?	40
5	Зыков Федор	полковник	русский	рейтары	Севск	40
6	Корсак Рафаил	полковник	смоленская шляхта	рейтары	Белгород	40
7	Кровков Матвей Осипович	полковник	русский	солдаты	Москва?	
8	Отмостов Леонтий Артемьев сын (Отмустов, Отмусов)	полковник	неизв	рейтары	Белгород	40
9	Полухтов Иван	полковник	русский	рейтары	Смоленск	40
10	Скорняков-Писарев Семен	полковник	русский	рейтары	Севск	40
11	Спешнев Осип Богданов сын	полковник	русский	солдаты	Белгород	30

Окончание табл. 4

12	Тарбеев Григорий	полковник	русский	рейтары	Смоленск	40
13	Ушаков Григорий	полковник	русский	солдаты	Москва?	25
14	Шепелев Аггей Алексеевич	полковник	русский	солдаты	Смоленск – Москва	
15	Шепелев Иван	полковник	русский	рейтары	Севск	40
16	Челюсткин Василий	полковник	русский	рейтары	Смоленск	40
17	Юрьев Сила	полковник	русский	солдаты	Москва?	30
1**	Буколтов Андрей	подполков- ник	иноземец	солдаты	Севск	
2	Вестов Самуил	подполков- ник	иноземец	солдаты	Брянск	
3	Франзбеков Андрей	подполков- ник	иноземец	солдаты	Брянск	
4	Хомяков Исаак	подполков- ник	русский	солдаты	Тамбов	
5	Караулов Никифор	подполков- ник	русский	гусары	Новгород	

* У полковников, учтенных жалованием по «московскому» списку, точные места пребывания не указаны, поэтому мы определяем их предположительно.

** В конце таблицы отдельно сгруппированы подполковники, видимо, реально на тот момент командующие отдельными полками (однако в расчетах по «полковничьему» корпусу мы их не учитываем).

Основу таблицы составили сметные списки полков и начальных людей на жалованье [Веселовский, с. 5–6] с незначительными добавлениями персонажей, известных по другим источникам (командиров тех же выборных полков). Таблица (возможно, не совсем точно и полно) отражает состав полковничьего корпуса, вероятнее всего, на осень 1662 – весну 1663 г.; рейтары и копейщики нами не разделены; для удобства пользования другими исследователями командующие полками сгруппированы не по рангу или месту дислокации их полков, а по алфавитному принципу, при этом многочисленные «Фанбуковены» (фон Бокховены) и пр. с «дворянским» детерминативом «фан» или «фон» (на голландский или немецкий манер), помещены, согласно наиболее обычной русской транскрипции слитного написания детерминативов и их фамилий, в конечных разделах списка; для удобства восприятия таблицы русские и иноземцы помещены и пронумерованы отдельно.

Как видим, общее число полковников, учтенных нами на конец 1662–1663 гг. – 83 человека, что несколько больше, чем «штатное» число (75) полков «нового строя», откуда, скорее всего, следует,

что не все они были заняты на действительной службе, а часть, возможно, находилась «за полками». Мы включили в число полковников и трех генералов, т. к. они указаны как командующие полками. Подавляющее большинство (66 человек, т. е. 79,5 %) – иноземцы, и только 15 человек (18,07 %) – русские, которые, таким образом, составляют пока меньше пятой части командующих полками. Еще один человек – рейтарский полковник Рафаил Корсак – принадлежит к смоленской шляхте, статус которой до заключения мира с Польшей еще точно не зафиксирован, а определение национальности Л. А. Отмостова без дополнительных сведений вызывает значительные затруднения.

Русские полковники немногочисленны, но именно из их среды вышли три из пяти первых русских «допетровских» генералов XVII в., выявленных А. А. Рогожиным – генеральские чины в последующем, уже в ходе другой (русско-турецкой 1673–1681 гг.) войны получили В. А. Змеев, а также командиры «выборных» А. А. Шепелев и М. О. Кровков. И. А. Шепелев, уже в 1658 г. бывший рейтарским подполковником в Белгородском полку [Загоровский, с. 158], скорее всего, является родственником (братом) А. А. Шепелева.

Но большинство первых русских полковников, как и принадлежавшие к низам московских чинов Кровков и беляне Шепелевы [Малов, с. 113–114, 107–108], видимо, имели незнатное происхождение: только В. А. Змеев и Г. Тарбеев упоминаются в 1663 г. с чином стольника. В этом отношении показательна восстановленная М. Ю. Романовым судьба рейтарского полковника С. С. Скорнякова-Писарева, выбившегося из мещерских детей боярских в командиры одного из старых, еще «досмутных» стрелецких полков: в сентябре 1658 г. стрелецкий полк С. С. Скорнякова-Писарева был направлен в полк князя Ф. Ф. Куракина против И. Выговского и крымских татар, а в 1659 г., видимо, был под Конотопом. Однако С. С. Скорняков-Писарев, в отличие от других стрелецких голов, не был награжден за Конотоп – наоборот (возможно, за какую-то вину), он был отстранен от командования стрелецким полком и переведен в командиры рейтарского, что было унижением чести. Скорняков оставался рейтарским полковником до начала 1670-х гг., после чего был вновь назначен командиром одного из московских стрелецких приказов, что свидетельствовало о стремлении вернуться к более «почетной» стрелецкой службе [Романов, с. 259]. Правда, по другим данным, С. Скорняков-Писарев уже в 1658 г. в чине подполковника командовал рейтарским полком в Белгородском разряде [Загоровский, с. 158].

Анализ списка иностранных полковников показывает, что уже во времена реформы Алексея Михайловича стал формироваться в своем роде наследственный костяк иноземной офицерской элиты, представленный «полковничьими» династиями (имевшими своих представителей в чинах от генеральских до подполковничьих) и сохранивший свое влияние до конца XVII в., который мы уже фиксировали в одной из наших статей [Петрухинцев, 2011, с. 229–231]:

из 61 «полковничьей» фамилии 1663 г. по меньшей мере пять (Бильсы, Вестовы, Гулицы, Франки, Юнкманы) имели своих представителей в чинах от подполковника до генерала во всех трех анализированных нами офицерских списках (1663, 1681, 1701 гг.); на подходе к полковничьим званиям в 1663 г. были еще две такие фамилии (Цей и Гордоны¹²); а еще три (Брюсы, Фливерки и Куперы) имели представителей в двух списках¹³. Таким образом, по меньшей мере 10 фамилий, вошедших в офицерскую элиту полков «нового строя» уже во время военной реформы Алексея Михайловича, образовали достаточно устойчивые династии, дававшие по одному или несколько представителей в элиту офицерского корпуса России на протяжении почти четырех десятилетий, что не так уж мало, учитывая, что число иноземных полковников колебалось в пределах 65–80 человек, а полковничьи вакансии открывались не столь уж часто.

Правда, в условиях войны, вынуждавшей держать основную часть офицерского корпуса на театрах военных действий, процесс «оседания» даже этой элитарной части иноземного офицерства в Немецкой слободе Москвы еще далеко не завершился: по переписи августа 1665 г. лишь чуть более половины полковников имели дворы в ней (42 полковника и 23 подполковника [Цветаев, с. 256]). Однако и в этих условиях он активно шел: как раз после августовского описания (возможно, имевшего целью в том числе и регулирование застройки Слободы), накануне рождения своего первенца-дочери, 17 сентября 1665 г. П. Гордон вместе с другими иноземными офицерами подал прошение «об участках для строительства в Слободе... и получил дозволение. Слободской стольник приказал отмерить участки и раздать нам оные» [Гордон, 2003, с. 158]. За полгода до этого, 26 января 1665 г., Гордон наконец женился на дочери Ф. фон Бокховена и буквально тут же, уже через две недели, по личной инициативе близкого с кланом Бокховенов начальника Иноземного приказа царского тестя И. Д. Милославского, ходатайствовавшего за него перед царем, был произведен в полковники и получил под команду полк отпущенного с русской службы вернувшегося в Англию своего приятеля-генерала У. Драммонда [Там же]. Накануне отъезда Гордона в отпуск в Англию, 29 мая 1666 г., его первый дом в Слободе был уже готов и новоселье отмечено празднованием дня рождения английского короля, закончившимся на следующий день конной дуэлью Гордона с оскорбившим его в подпитии майором Монтомери (обменом выстрелами на скаку из мушкета [Там же, с. 162]).

Сама бурлившая подобными страстями Немецкая (Новонемецкая) слобода тоже была детищем и результатом военной реформы Алексея Михайловича, возникнув и развиваясь вместе с ней. Основание слободы состоялось почти одновременно со стартом военной реформы (осенью 1652 г.) и было инициировано вероисповедным конфликтом

¹² А. Цей, еще в 1653 г. служивший майором в Коломне, к 1664 г., видимо, тоже уже был подполковником, как и Гордон [Цветаев, с. 279; Гордон, 2003, с. 149].

¹³ Ср. табл. 4 данной статьи с табл. 3 в: [Петрухинцев, 2011, с. 237].

с иноземным офицерством [Опарина, с. 163], и с этого момента и до конца XVII столетия Немецкая слобода была, скорее всего, в первую очередь колонией иностранных военных наемников (о чем нам уже приходилось писать [Петрухинцев, 2011, с. 231–232]) – в августе 1665 г. иноземным офицерам принадлежало 69,6 % дворов в слободе (142 из 204) [Цветаев, с. 256]. Но само закрепление их в России и оседание в Слободе прежде всего зависело от их материального положения, определяемого в первую очередь размерами жалования, ибо после «вероисповедного конфликта» большинство офицеров, не принявших православия, лишались возможности владеть имениями в России и фактически переводились в разряд «кормовых»¹⁴.

Именно эта проблема и решалась в 1663 г.: как мы уже видели, подготовка «сметы 1663 г.» была теснейшим образом связана с вопросом об определении стабильных ставок жалования иноземным офицерам в серебряной монете.

Таблица 5

*Месячное жалование полковников «нового строя» в 1663 г.**

Оклад месячного жалования	Кол-во человек	% в общем составе
100 руб.	2	2,74
50 руб.	3	4,10
45 руб.	8	10,96
43 руб.	1	1,37
40 руб.	33	45,21
35 руб.	10	13,70
30 руб.	14	19,18
25 руб.	2	2,74
<i>Итого</i>	<i>73</i>	<i>100</i>

* Таблица построена по материалам табл. 4 и учитывает 73 полковника, по которым есть сведения о жаловании, что составляет 88 % всех учтенных в табл. 4 полковников и делает ее сведения вполне репрезентативными.

Как показывает табл. 5, единого фиксированного «штатного» жалования полковников в 1663 г. еще не было: месячное жалование полковников с возвращением к оплате в серебряной монете насчитывало восемь различных окладов и колебалось в пределах от 25 до 100 руб. (вероятнее всего, это было обусловлено различными условиями «капитуляций» при приеме иноземцев на службу, а также градацией в статусе полковников, вызванной неразвитостью структуры генералитета¹⁵).

¹⁴ Т. е. содержащихся за счет денежного и хлебного жалования.

¹⁵ Как мы видели, Гордон употребляет термин «старший полковник» применительно к Ф. А. фон Бокховену, который в начале реформы употреблялся и по отношению к А. Лесли до производства его в генералы.

Тем не менее, представление о «нормальном» окладе полковника к 1663 г., очевидно, уже сложилось. Высшее, 100-рублевое жалование, в два раза превышающее жалование остальных полковников, получали, собственно, уже не полковники, а генералы – лишь два представителя русского генералитета (полный генерал Томас Дальйелл (Далиэль) и генерал-поручик Уильям Драммонд (Дромонт)), и оно, таким образом, не различалось в зависимости от градаций генеральского чина. Как видим, генеральское жалование составляло значительную на тот момент сумму не менее чем в 1200 руб. в год и, учитывая инфляцию и падение стоимости рубля вдвое, было, однако, чуть ниже установленного в 1711 г. Петром I штатного генеральского (от 1800 руб. у генерал-майора до 3600 руб. у генерал-аншефа (19 февраля 1711 г.) [ПСЗ, т. 4, № 2319, с. 590]). Третий представитель генералитета, генерал-майор Д. Крофуорд, получал по сравнению с остальными генералами «половинное» жалование в 50 руб. (возможно, потому, что находился не на театре военных действий, а в тылу в Москве), эквивалентное высшему полковничьему, которое, кроме него, получали еще всего два полковника.

Основная масса полковников – 57 из 73 (более трех четвертей, 78 %) – имела оклад от 30 до 40 руб., который, очевидно, и считался нормальным для полковничьего чина (причем скорее по его верхнему пределу – от 35 до 40 руб. получали 58,9 % всех полковников). Таким образом, «нормальное» полковничье жалование колебалось в пределах от 420 до 480 руб. в год и составляло от 35 % до 40 % генеральского (при Петре полковник со штатным окладом в 600 р. (по штату 1711 г.) [Там же, с. 591] получал ровно треть от жалования генерал-майора, но всего 16,7 % от жалования полного генерала). Оно, вероятно, чуть повысилось к концу XVII в., колеблясь уже в 1681 г. в большей степени в диапазоне от 45 до 50 руб. в месяц, что в целом составляло значительную сумму, даже при минимальных размерах в мирное время эквивалентную еще в 1701 г. годовому доходу с имения в 303–429 душ [Петрухинцев, 2011, с. 230].

Судя по всему, жалованье иноземных и русских полковников на тот момент еще не различалось. И хотя низшее жалование в 25 руб. получали именно два русских полковника (Б. Воронин и Г. Ушаков), среднемесячное жалованье 13 русских полковников составило 36 руб. 15 коп. и было почти эквивалентно среднему жалованию 56 полковников-иноземцев (38 руб. 27 коп.)¹⁶, тогда как при Петре I русский полковник получал половинное от иноземческого жалование в 300 руб. в год. Более того, в числе двух «чистых» полковников (без генерал-майора Д. Крофуорда), получавших высший полковничий оклад в 50 руб., один был русским – это был В. А. Змеев, в последующем сделавший блестящую «генеральскую» карьеру.

¹⁶ Подсчитано по табл. 4; естественно, мы брали исключительно людей в полковничьем чине и исключили из подсчетов двух иноземных генералов; к тому же, при незначительном числе русских полковников два человека с наименьшим жалованием среди них существенно исказили размер среднего оклада для русских, в реальности еще более близкого к иноземному.

Жалование офицерской элиты (73 полковников и генералов, учтенных в табл. 4) должно было составить в конечном итоге 34 716 руб. в год. С учетом тех 10 полковников, которые вошли в табл. 4, но жалование которых неизвестно, расходы на эту элиту из 83 человек при среднем размере месячного полковничьего жалования в 38 руб. по всему корпусу полковников¹⁷ должны были дать в совокупности не менее 39 276 руб. в год, что составляло 18,2 % (почти одну пятую часть) расходов на *весь офицерский корпус* в 2420 человек, определенных сметой в сумму в 215 530 руб. [Веселовский, с. 26–27]. В свою очередь, весь этот офицерский корпус в целом поглощал 27,95 % расходов от общей суммы на содержание армии «нового строя», предусмотренной в смете в размере 771 235 руб. [Там же] и ложился тяжелым бременем на государственный бюджет, который даже в 1680 г. был чуть выше 2 млн руб.

Но правительство было готово идти на эти жертвы: вовремя проведенная летом 1663 г. денежная реформа способствовала внутренней стабилизации и преодолению наметившегося с осени 1662 г. тяжелейшего дипломатического кризиса, осложненного с осени 1663 г. ухудшением отношений с Швецией [Флоря, с. 45–48, 69–70], а также кризиса в армии. Это, вероятно, позволило стабилизировать положение на фронтах и достаточно быстро остановить начавшееся в августе 1663 г. общее наступление польской армии на юге, планировавшей поход на Москву, но дошедшей только до Севска и быстро откатившейся назад, оставив Левобережную Украину и породив в 1664 г. казацкое антипольское восстание на Правобережье [Там же, с. 28–29, 39–41]. Таким образом, события, связанные с появлением «сметы 1663 г.», стали одним из переломных моментов русско-польской войны, после которого с 1664 г. активизировались русско-польские переговоры и начался «поворот к миру».

Однако возврат к серебряному денежному обращению летом 1663 г., как показал К. В. Базилевич, сопровождался достаточно серьезными проблемами в экономической сфере и ухудшением положения населения [Базилевич, с. 72–74]. Неудивительно, что в это время бюджет не смог справиться с столь значительной нагрузкой, и проблемы с выплатой жалования офицерам уже в серебряной монете продолжались. Это вынудило правительство перейти к политике изыскания паллиативных мер по снижению давления офицерского жалования на бюджет, историю которых недавно проследил в основных ее чертах А. А. Рогожин [Рогожин, 2013]. Проблемы обозначились сразу же: даже московским офицерам в серебряной монете было выплачено 15 июня 1663 г. первоначально лишь полуторамесячное жалование [Гордон, 2003, с. 133].

Уже в октябре 1663 г. иноземные офицеры расквартированных на северо-западе полков «с великим шумом и невежеством» ворвались во Пскове к воеводе А. Бутурлину с требованием немедленной

¹⁷ Подсчитано без двух генералов.

выплаты жалования, угрожая в противном случае «пойти врознь за рубеж»; в середине 1660-х гг. демарш повторился на юге в Белгородском полку, где трое полковников – будущий генерал-поручик Франц Вульф (Ульф), Яган Фанзагер и Дирик Граф – самовольно оставили свои полки и отправились в Москву требовать жалования, желая вернуться в Европу, и лишь под давлением русских властей, добившись частичного удовлетворения своих требований, вернулись на службу [Рогожин, 2013, с. 70].

Неудивительно, что уже сразу по завершении русско-польской войны, и прежде всего отнюдь не из ксенофобии, а с очевидной целью экономии бюджетных средств, начались массовые увольнения иноземных офицеров и была приостановлена вербовка новых, что в записи под 23 марта 1667 г. зафиксировал возвращавшийся из поездки в Европу П. Гордон: «...император уже уволил столь многих офицеров, кои служили прежде и были знакомы со страной», повторив почти тот же текст и 25 июня 1667 г. после приезда в Москву: «...уже уволено так много храбрых кавалеров, которые столь долго здесь прослужили и знают местные обычаи» [Гордон, 2003, с. 205, 206]. Кроме того, еще до окончания войны началась экономия и на русских офицерах: уже в 1660-е гг. у обер- и части штаб-офицерского состава (включая подполковников) начали вводиться вычеты из окладов жалования «за крестьянские дворы» (от 10 коп. у прапорщика до 25 коп. у подполковника за каждый наличный двор) [Рогожин, 2013, с. 74], что было фактически для них возвращением к практике бесплатной службы «с поместий».

В сравнительно спокойное мирное время между двумя войнами (русско-польской 1654–1667 гг. и русско-турецкой 1673–1681 гг.) политика экономии на офицерском жаловании была продолжена и выразилась сразу в нескольких акциях, фактически сводившихся к введению своего рода «мирного штата» жалования: 30 сентября 1668 г. было решено выплачивать жалование находящимся «за полками» (т. е. не на действительной службе) иноземным офицерам в размере лишь половины денежного оклада (при этом четверть оклада выдавалась деньгами, а четверть – солью). Через год, в августе 1669 г., жалование им было сокращено уже до трети оклада, а значит, платилось всего на 4 месяца в году, т. е. на «полевой» сезон (май-август), когда они реально находились при своих полках в военных кампаниях или занимались их военной подготовкой до роспуска на зимние квартиры. Это несколько смягчалось выдачей за пятый месяц хлеба и соли, вскоре переведенной в денежную форму (примерно 46 руб.), что для полковника было эквивалентно месячной зарплате [Там же, с. 71–72]. Очевидно, именно тогда уже начала складываться традиция выплаты «третнего» жалования военным чинам и общей выплаты жалования военным по «третьям» года, приуроченным к полевому военному и сельскохозяйственному сезонам, которая сохранилась и во времена Петра и даже распространилась на принципы сбора подушной

подати, тоже собиравшейся в 1720–1730-е гг. по «третьям» («январская», «майская» и «сентябрьская» трети).

21 июня 1670 г. принцип уплаты «третнего» жалования был распространен и на русских офицеров, вслед за чем начались еще более существенные поиски экономии на их содержании: в 1670 г. вычет из окладов «за крестьянские дворы» (по 35 коп. за двор) был распространен и на русских полковников, на которых он ранее не распространялся. 1 сентября 1672 г., после проведенного в феврале-марте 1672 г. многолетним главой Белгородского разряда Г. Г. Ромодановским смотра Белгородского полка, сопровождавшегося подачей сказок о количестве дворов и земель за русскими офицерами, правительство приказало многих из них отставить от службы и перевести в «заполочные». Жалование «заполочным» с этого момента совсем не платилось, а на их места определялись иноземные офицеры из Москвы – по подсчетам А. А. Рогожина, 56 % русских офицеров Севского и Белгородского полков, составлявших почти половину армии «нового строя», должны были отныне нести службу без жалования. С 1673 г. правительство ввело с русских офицеров вычеты уже не только за дворы, но и за *четверти поместной земли*, что поставило на грань выживания имевших землю, но почти не имевших крестьян мелкопоместных дворян, составлявших основной костяк русских офицеров [Рогожин, 2013, с. 74–75].

Так, в силу в первую очередь финансовых трудностей, постепенно складывалась разница русских и иноземческих офицерских окладов, унаследованная и использованная затем Петром I, и ликвидированная лишь решением Военской сухопутной комиссии об армии в 1731 г., предложенным еще в «голицынской» фазе ее работы [Петрухинцев, 2001, с. 150].

Действуя таким образом, правительство, при дефиците финансов, конечно, прежде всего хотело сохранить ядро иноземного офицерского корпуса в преддверии уже намечающейся русско-турецкой войны, но тем самым наносило удар по формировавшейся в два предшествующие десятилетия его «русской» части. Служба без жалования для среднепоместных и постепенно формирующаяся разница в русских и иноземческих окладах для мелкопоместных дворян стала еще одним фактором, понижающим и без того невысокий статус офицерского чина в глазах даже провинциальных русских «служилых по отечеству» и уж тем паче в глазах столичного дворянства.

Все эти проблемы были не только не решены, но усугубились в период не менее тяжелой (в том числе и для русских финансов) масштабной русско-турецкой войны 1673–1681 гг., в ходе которой правительство неоднократно практиковало и невыплату части офицерских окладов, и замену денежных выплат натуральными (например, соболями из Сибирского приказа), а также закрепило практику службы русских офицеров «с поместий» [Рогожин, 2013, с. 76–79].

Очевидным следствием стало резкое торможение процесса формирования русского национального офицерского корпуса к концу XVII в. Из-за низкой социальной и экономической престижности офицерских чинов и правительственной политики по сохранению на службе и поддержке верхушечного слоя иноземных офицеров, офицерская служба становилась все менее привлекательной для российского дворянства. При том, что в 1696 г., по подсчетам В. С. Великанова, на долю русских приходилось уже 58 % численности офицерского корпуса армии «нового строя», их уделом оставалась служба на уровне ротных офицеров, где они доминировали, давая более двух третей их (67,4 %), а штаб-офицерские чины (от майора до полковника) по-прежнему оставались «вотчиной» иноземцев, составлявших в них уже 86 % [Великанов, 2014, с. 339]. Элита русского дворянства («московские чины»), могущая своим социальным авторитетом укрепить командование армии в среднем и высшем звене (штаб-офицерских и генеральских рангах), не шла в офицерский корпус, 98 % «русской части» которого в конце XVII в. составляли выходцы из провинциального «городового» дворянства [Там же, с. 344].

Это было серьезнейшей проблемой, которую предстояло решить Петру I.

Базилевич К. В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М. : Л. Изд-во Акад. наук СССР, 1936. 116, [2] с.

Берх В. Н. Царствование Алексея Михайловича. СПб. : И. Сленин, 1831. Ч. 1. 582 с.

Великанов В. С. К вопросу об организации и численности вооруженных сил Российского государства в 1699 г. // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды четвертой междунар. науч.-практ. конф. : сб. ст. СПб. : ВИМАИВиВС, 2013. Ч. 1.

Великанов В. С. К вопросу об офицерском корпусе русской армии накануне и на начальном этапе Северной войны // Война и оружие: новые исследования и материалы. Труды пятой междунар. науч.-практ. конф. СПб. : ВИМАИВиВС, 2014. Ч. 1.

Веселовский С. Б. Сметы военных сил Московского государства 1661–1663 гг. // Чтения в Обществе истории и древностей российских. Кн. 3. 1911. С. 4–54.

Гордон П. Дневник. 1659–1667. М. : Наука, 2003. 330 с.

Гордон П. Дневник. 1684–1689. М. : Наука, 2009. 354 с.

Дворянство России и его крепостные крестьяне XVII – первой половины XVIII в. М., 1989. 184 с.

Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1969. 304 с.

Козляков В. Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного уложения). Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2000. 208 с.

Курбатов О. А. Роль служилых «немцев» в реорганизации русской конницы в середине XVII в. // Иноземцы в России в XV–XVII вв. : сб. материалов конференций 2002–2004 гг. М., 2006. С. 18–34.

Курбатов О. А. Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя» накануне и в ходе русско-шведской войны 1656–1658 гг. // Архив русской истории. Вып. 8. М. : Древлехранилище, 2007. С. 175–197.

Лантвева Т. А. Провинциальное дворянство России в XVII веке. М. : Древлехранилище, 2010. 628 с.

Лобин А. Н. Неизвестные образцы русской артиллерии 1660-х–1670-х гг. // Война и оружие. Новые исследования и материалы : сб. статей междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2010. Ч. II.

Малов А. В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671. М. : Древлехранилище, 2006. 624 с.

Матвеев А. С. История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева. СПб., 1776.

Мельникова А. С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М. : Финансы и статистика, 1989. 323 с.

Ноздрин О. Я. Воин, инженер, предприниматель. Дела и служба Александра Крофорда в Московском государстве // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды третьей междунар. науч.-практ. конф. 1–18 мая 2012 г. СПб. : ВИМАИВиВС, 2012. Ч. 2. С. 434–440.

Опарина Т. А. Полковник Александр Лесли и православие // Иноземцы в России в X–XVII в. : сб. материалов конференций 2002–2004 гг. М., 2006.

Пенской В. В. Военная революция XVI–XVII вв. и ее последствия // Новая и новейшая история. 2005. № 2. С. 194–206.

Петрухинцев Н. Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривосточного курса и судьбы армии и флота. СПб. : Алетей, 2001. 352 с.

Петрухинцев Н. Н. Некоторые тенденции в развитии иноземного офицерского корпуса России в конце XVII – начале XVIII в. // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды второй междунар. науч.-практ. конф. СПб. : ВИМАИВиВС, 2011. Ч. 2. С. 219–240.

Петрухинцев Н. Н. К характеристике формирований «нового строя» накануне военных реформ Алексея Михайловича [Электронный ресурс] // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды четвертой междунар. науч.-практ. конф. : сб. ст. СПб. : ВИМАИВиВС, 2013. Ч. 3. С. 502–523. URL: http://artillery-museum.ru/conference-voyna_i_oruzhie_2013-materials_2013.html

Петрухинцев Н. Н. Военная реформа Алексея Михайловича и ее влияние на военные формирования на территории Липецкого края // Вехи минувшего. (Уч. зап. ист. ф-та Липец. госпедун-та). Липецк, 2014. С. 1–22.

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи. Т. 4. № 2319. С. 590.

Рогожин А. А. Первые русские генералы // Уч. зап. Орлов. гос. ун-та. 2012а. № 1. С. 126–133.

Рогожин А. А. Рейтары полка И. Фанбуковена. Создание в середине XVII века русских военных формирований и подготовка для них командирских кадров // Военно-исторический журнал. 2012б. № 9. С. 21–25.

Рогожин А. А. Денежное жалование начальных людей полков «нового строя» в 1660–1680-х гг. // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды четвертой междунар. науч.-практ. конф. : сб. ст. СПб. : ВИМАИВиВС, 2013. Ч. 4. С. 66–79.

Романов М. Ю. Стрельцы московские. М. : Гос. публ. ист. б-ка России, 2004. 352 с.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Соловьев С. М. Сочинения. М., 1991. Кн. 5, 7.

Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордин-Нащокина и попытки ее осуществления. М. : Индрик, 2013. 448 с.

Цветаев Д. В. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М. : Унив. тип., 1890.

Черепнин Л. В. Земские соборы русского государства в XVI–XVII вв. М. : Наука, 1978. 549 с.

Черников С. В. Эволюция высшего командования российской армии и флота первой четверти XVIII в. К вопросу о роли европейского влияния при проведении петровских военных реформ // Cahiers du Monde russe. 50/4. Octobre-décembre 2009.

Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М. : Воениздат, 1954. 224 с.

Якубов К. Россия и Швеция в первой половине XVII в. М. : Унив. тип. 1897. 505 с.

Petrakhintsev N. N. The Baltic Strategy of Peter the Great // Russland an der Ostsee. Imperiale Strategien der Macht und kulturelle Wahrnehmungsmuster (16 bis 20. Jahrhundert) / Quellen und Studien zur Baltischen Geschichte. Bd. 22 / Böhlau Verlag. Wien ; Köln ; Weimar, 2012. S. 169–189.

Stevens C. B. Soldiers on the Steppe. Army reform and social change in Early Modern Russia. Northern Illinois Univ. Press, 1995.

Bazilevich, K. V. (1936). *Denezhnaya reforma Alekseye Mihajlovicha i vosstanie v Moskve v 1662 g.* [Currency reform of Aleksey Mikhailovich and Moscow rebellion of 1662 yr.]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.

Berh, V. N. (1831). *Czarstvovanie Alekseya Mihajlovicha* [The reign of Aleksey Mikhailovich]. Part 1. St. Petersburg: I. Slenin.

Cherepnin, L. V. (1978). Zemskie sobory' russkogo gosudarstva v XVI–XVII vv. [Zemskie sobors of the Russian state in 16th–17th cc.]. Moscow: Nauka.

Chernikov, S. V. (2009). E'voluciya vy'sshego komandovaniya rossijskoj armii i flota pervoj chetverti XVII v. K voprosu o roli evropejskogo vliyanija pri provedenii petrovskih voenny'h reform [Evolution of the high command of the Russian Army and Navy in the first quarter of 17th c. Revisiting the role of European influence in the time of Peter the Great's military reforms]. *Cachiers du Monde russe*, 50/4.

Chernov, A. (1954). *Vooruzhenny'e sily' Russkogo gosudarstva v XV–XVII vv.* [The Armed forces of the Russian state in 15th–17th cc.]. Moscow: Voenizdat.

Czvetavaev, D. V. (1890). *Protestantstvo i protestanty' v Rossii do e'pohi preobrazovanij* [Protestantism and protestants in Russia before the age of transformations]. Moscow: Univ. tip.

Dvoryanstvo Rossii i ego krepostny'e krest'yane XVII – pervoj poloviny' XVIII v. [The nobility of Russia and its serfs 17th– first half of the 18th c.]. (1989). Moscow.

Florya, B. N. (2013). *Vneshnepoliticheskaya programma A. L. Ordin-Nashhokina i popy'tki ee osushhestvleniya* [A. L. Ordin-Nashokin's foreign policy program and attempts of its realization]. Moscow: Indrik.

Gordon, P. (2003). *Dnevnik. 1659–1667* [Diary. 1659–1667]. Moscow: Nauka.

Gordon, P. (2009). *Dnevnik. 1684–1689* [Diary. 1684–1689]. Moscow: Nauka.

Kozlyakov, V. N. (2000). *Sluzhilyj "gorod" Moskovskogo gosudarstva XVII veka (ot Smuty' do Sobornogo ulozheniya)* [The "town" of service class people in the Muscovy in 17th century (from the Time of Trouble to the Council Code)]. Yaroslavl: Izd-vo YaGPU.

Kurbatov, O. A. (2006). Rol' sluzhily'h "nemcev" v reorganizacii russkoj konnicy' v seredine XVII v. [The role of the serving "Germans" in the reorganization of Russian cavalry in the middle of 17th c.]. In *Inozemcy' v Rossii v XV–XVII vv.: sb. materialov konferencij 2002–2004 gg.* [Foreigners in Russia in 15th–17th cc.: collection of proceedings of the conferences of 2002–2004 yrs.]. (p. 18–34). Moscow.

Kurbatov, O. A. (2007). Organizaciya i boevy'e kachestva russkoj pehoty' "novogo stroya" nakanune i v hode russko-shvedskoj vojny' 1656–1658 gg. [Organization and combat characteristics of Russian infantry of the "new system" on the eve and during Russian-Swedish war 1656–1658 yrs.]. In *Arhiv russkoj istorii* [The archive of Russian history]. (Iss. 8) (p. 175–197). Moscow: Drevlehranilishhe.

Lapteva, T. A. (2010). Provincial'noe dvoryanstvo Rossii v XVII veke [Provincial nobility in Russia in 17th century]. Moscow: Drevlehranilishhe.

Lobin, A. N. (2010). Neizvestny'e obrazcy' russkoj artillerii 1660-h–1670-h gg. [Unknown samples of Russian artillery of 1660s–1670s yrs.]. In *Vojna i oruzhie: novye issledovaniya i materialy: sbornik statej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii.* [War and weapon: new researches and materials. Collection of articles of the international research and practice conference]. Part 2. St. Petersburg.

Malov, A. V. (2006). *Moskovskie vy'borny'e polki soldatskogo stroya v nachal'nyj period svoej istorii. 1656–1671* [Moscow selected regiments of soldierly formation at the beginning of its history. 1656–1671]. Moscow: Drevlehranilishhe.

Matveev, A. S. (1776). *Istoriya o nevinnom zatochenii blizhnego boyarina Artamana Sergeevicha Matveeva* [The story of innocent imprisonment of the confidant boyar – Artamon Sergeevich Matveev]. St. Petersburg.

Mel'nikova, A. S. (1989). *Russkie monety' ot Ivana Groznogo do Petra Pervogo* [Russian coins from Ivan the Terrible till Peter the Great]. Moscow: Financy' i statistika.

Nozdrin, O. Ya. (2012). Voin, inzhener, predprinimatel'. Dela i sluzhba Aleksandra Kroforda v Moskovskom gosudarstve [Soldier, engineer, industrialist. Business and service of Aleksandr Kroford in the Muscovy]. In *Vojna i oruzhie: novye issledovaniya i materialy. Trudy' tret'ej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii: sb. st.* [War and weapon: new researches and materials. Proceedings of the third international research and practice conference: collection of articles]. Part 2 (p. 434–440). St. Petersburg: VIMAIViVS.

Oparina, T. A. (2006). Polkovnik Aleksandr Lesli i pravoslavie [Colonel Aleksandr Lesli and Orthodoxy]. In *Inozemcy' v Rossii v XV–XVII vv.: sb. materialov konferencij 2002–2004 gg.* [Foreigners in Russia in 15th–17th cc.: collection of proceedings of the conferences of 2002–2004 yrs.]. Moscow.

Penskoj, V. V. (2005). Voennaya revoliuciya XVI–XVII vv. i ee posledstviya [Military revolution in 16th–17th cc. and its consequences]. *Novaya i novejschaya istoriya* [New and contemporary history], 2, 194–206.

Petruhincev, N. N. (2001). Czarstvovanie Anny' Ioannovny': formirovanie vnutripoliticheskogo kursa i sud'by' armii i flota [The reign of Anna Ioannovna: the formation of domestic policy and the fates of the Army and Navy]. St. Petersburg: Aletejya.

Petruhincev, N. N. (2011). Nekotory'e tendencii v razvitii inozemnogo oficerskogo korpusa Rossii v konce XVII – nachale XVIII v. [Some tendencies in the development of the foreign Officer Corps of Russia in the late 17th – early 18th c.]. In *Vojna i oruzhie: novy'e issledovaniya i materialy. Trudy' vtoroj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. [War and weapon: new researches and materials. Proceedings of the second international research and practice conference]. Part 2 (p. 219–240). St. Petersburg: VIMAIViVS.

Petruhincev, N. N. (2012). The Baltic Strategy of Peter the Great. In *Russland an der Ostsee. Imperiale Strategien der Macht und kulturelle Wahrnehmungsmuster. Quellen und Studien zur Baltischen Geschichte* (p. 169–189). Wien; Köln; Weimar: Böhlau Verlag.

Petruhincev, N. N. (2013). K karakteristike formirovanij “novogo stroya” nakanune voenny'h reform Alekseya Mihajlovicha [To the characteristics of the formation of the “new system” on the eve of the military reforms of Aleksey Mikhailovich]. In *Vojna i oruzhie: novy'e issledovaniya i materialy. Trudy' chetvertoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: sb. st.* [War and weapon: new researches and materials. Proceedings of the fourth international research and practice conference: collection of articles]. Part 3 (p. 502–523). St. Petersburg: VIMAIViVS. Retrieved from: http://artillery-museum.ru/conf-conference-voina_i_oruzhie_2013-materials_2013.html

Petruhincev, N. N. (2014). Voennaya reforma Alekseya Mihajlovicha i ee vliyanie na voenny'e formirovaniya na territorii Lipeckzogo kraja [The military reform of Aleksey Mikhailovich and its impact on formations on the territory of Lipetsk region]. In *Vehi minuvshogo. (Ucheny'e zapiski istoricheskogo fakul'teta Lipeckzogo gospeduniversiteta)* [Marks of the past. (The proceedings of the faculty of history of Lipetsk state pedagogical university)] (p. 1–22). Lipetsk.

Rogozhin, A. A. (2012a). Pervy'e russkie generaly' [First Russian generals]. *Ucheny'e zapiski Orlovskogo gos. un-ta* [Proceedings of Orel state university], 1, 126–133.

Rogozhin, A. A. (2012b). Rejtary' polka I. Fanbukovena. Sozdanie v seredine XVII veka russkikh voenny'h formirovanij i podgotovka dlya nih komandirskih kadrov [Reiters of the regiment of I. Fanbukoven. Making of Russian military formations in the middle of 17th century and training of officer's personnel for them]. *Voeno-istoricheskij zhurnal* [Military History magazine], 9, 21–25.

Rogozhin, A. A. (2013). Denezhnoe zhalovanie nachal'ny'h lyudej polkov “novogo stroya” v 1660–1680-h gg. [Allowance of the junior people in the regiments of the “new system” in 1660–1680s yrs.]. In *Vojna i oruzhie: novy'e issledovaniya i materialy. Trudy' chetvertoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: sb. st.* [War and weapon: new researches and materials. Proceedings of the fourth international research and practice conference: collection of articles]. Part 4 (p. 66–79). St. Petersburg: VIMAIViVS.

Romanov, M. Yu. (2004). *Strel'cy' moskovskie* [Moscow Streltsy]. Moscow: Gos. publ. ist. biblioteka Rossii.

Solov'ev, S. M. (1991). Istoriya Rossii s drevnejshih vremen [The history of Russia since the earliest times]. In S. M. Solov'ev. *Sochineniya* [Works by Solov'ev S. M.]. Book 5, 7. Moscow.

Stevens, C. B. (1995). *Soldiers on the Steppe. Army reform and social change in Early Modern Russia*. Northern Illinois Univ. Press.

Velikanov, V. S. (2013). K voprosu ob organizacii i chislennosti vooruzhenny'h sil Rossijskogo gosudarstva v 1699 g. [Revisiting the organization and number of the armed forces of the Russian state in 1699 yr.]. In *Vojna i oruzhie: novy'e issledovaniya i materialy. Trudy' chetvertoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: sb. st.* [War and weapon: new researches and materials. Proceedings of the fourth international research and practice conference: collection of articles]. Part 1. St. Petersburg: VIMAIViVS.

Velikanov, V. S. (2014). K voprosu ob oficerskom korpusе russoj armii nakanune i na nachal'nom e'tape Severnoj vojny' [Revisiting the Officer Corps of the Russian army on the eve and the early Great Northern War]. In *Vojna i oruzhie: novy'e issledovaniya i materialy. Trudy' pyatoy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: sb. st.* [War and weapon: new researches and materials. Proceedings of the fifth international research and practice conference: collection of articles]. Part 1. St. Petersburg: VIMAIViVS.

Veselovskij, V. S. (1911). *Smety' voenny'h sil Moskovskogo gosudarstva 1661–1663 gg.* [Estimate of military forces of the Muscovy in 1661–1663 yrs.]. In *Chteniya v Obschestve istorii i drevnostej rossijskich* [Readings in the Society of history and Russian antiquities]. Book 3 (p. 4–54).

Yakubov, K. (1897). *Rossiya i Shveciya v pervoj polovine XVII v.* [Russia and Sweden in the first half of 17th c.]. Moscow: Univ. tip.

Zagorovskij, V. P. (1969). *Belgorodskaya cherta* [Belgorod boundaries]. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta.

The article was submitted on 24.05.2014

**Николай Николаевич
Петрухинцев**
профессор
Россия, Липецк
Российская академия народного
хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ
NicPetrukhintsev@yandex.ru

Nikolay Petrukhintsev
Professor
Russia, Lipetsk
The Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration
NicPetrukhintsev@yandex.ru